

***

— Бедняжка... Хочешь жить? Если хочешь — пей.

Сквозь пелену забытья донесся голос — холодный, но с какой-то приторно-сладкой ноткой. Цзян Ехун смутно помнил, как глотал горькое лекарство. Горло саднило, тело было ватным, лишенным сил. Он отчаянно пытался разглядеть лицо того, кто стоял рядом, но перед глазами всё плыло. Остался лишь нечеткий образ: хрупкий силуэт со спины в одеждах народа мяо.

Когда Цзян Ехун окончательно пришел в себя, сельчане рассказали, что в деревню забрел юноша из Мяоцзяна. Он дал им рецепт от изнуряющей их чумы, и люди были спасены. А сам юноша исчез так же тихо, как и появился. Никто не знал, откуда он пришел и куда направился, — словно божество, сошедшее на землю, чтобы избавить смертных от мук. Старики поговаривали, что кожа его была белее снега, лицом он был прекрасен, а в чашах его глаз плескался пурпур.

Цзян Ехун зашелся в кашле. Лекарство выплеснулось наружу. Жун Жо поспешно принялся хлопать его по спине.

— Старший брат Чу, ты как?

Цзян Ехун провел ладонью по лицу, осознавая, что это был лишь сон. Реальность вернулась рывками. Стерев капли снадобья с подбородка, он прохрипел:

— И приснится же... Будто лекарство пью, а это ты меня потчуеть. Ох, надо же, простая простуда, а свалила так, что ног не поднять.

Жун Жо поднес ему чашу с водой.

— Выпей, брат Чу, горло промочи. Я приготовил кое-что из еды, легкое, тебе нужно хоть немного поесть.

Цзян Ехун с трудом сел, преодолевая ломоту в теле.

— Спасибо тебе за заботу.

Жун Жо застенчиво улыбнулся.

— Не стоит благодарности. Если бы не ты, я бы до сих пор торговал улыбками в Ижэнь-гэ. Кстати, Чжао Чэнь принес свитки и книги о деревне Девяти Семей.

Цзян Ехун еще не успел коснуться ногами пола, как увидел на столе огромную стопку бумаг. Голова, казалось, разболелась еще сильнее.

— Так много?

— Сначала поешь. Я уже кое-что просмотрел и перескажу тебе самое важное, — Жун Жо расставил на столе блюда.

«Эх, будь он девицей, — мелькнуло в голове у Ехуна, — точно бы на нем женился».

Когда Жун Жо протянул ему палочки, Цзян Ехун почувствовал, как жар бросился к мочкам ушей. «Что за вздор лезет в голову?» — одернул он себя и спросил:

— Ну, и что ты там вычитал?

Жун Жо кивнул, собираясь с мыслями.

— Изначально в деревне Девяти Семей жило всего девять семейств. Говорят, это были переселенцы, сохранившиеся еще со времен династии Чжоу. Племя называло себя «Су», и поклонялись они Лунному божеству.

Цзян Ехун нахмурился так, что на лбу проступили глубокие складки.

— Чжоу? Лунное божество? Что это еще за чертовщина? — Для человека, не слишком искусленного в книжной премудрости, всё это звучало как сказки для детей.

— Так написано в свитках, — продолжал Жун Жо. — Если копать глубже, народ Су когда-то служил при дворе чжоуского Сына Неба жрецами. Они наблюдали за звездами, предсказывали судьбу государства, проводили обряды. Иерархия у них была строжайшая: власть верхушки — неприкосновенна. Каждый год в полнолуние они совершали жертвоприношение: выбирали четыре пары «божественных посланников» — юношей и девушек — и окропляли их кровью бронзовый треножник.

Цзян Ехун поперхнулся:

— Да это же просто банда шарлатанов.

Жун Жо не стал спорить:

— Похоже на то. Впрочем, всё это — лишь легенды племени Су, и правды теперь не сыскать. Те девять семей пришли в эти края восемьдесят лет назад. Называли они себя потомками Су, но

так ли это — неизвестно. Однако иерархия у них сохранилась: крестьяне, ремесленники и торговцы беспрекословно служат тем, кто выше.

Цзян Ехун скептически скривился:

— Возомнили себя жрецами Сына Неба... Были бы такими великими — уберегли бы династию Чжоу от гибели. Обычное дурилово для простаков, ни единому слову не верю.

— Возможно, это лишь способ держать людей в узде, — согласился Жун Жо. — Но, глядя на то, что творится в деревне сейчас, я вижу связь с легендами. Не знаю, из рода Су они или нет, но обряды проводят те самые. Вспомни бронзовый треножник, который я видел, и эти стяги призыва душ...

Ехун почувствовал, что аппетит пропал окончательно.

— Они же Луне поклоняются? Насколько я знаю, на Луне живет Чаньэ. Она ведь не какой-нибудь демон, зачем ей эти кровавые подношения?

— Совсем нет, — возразил Жун Жо. — Если верить древним текстам, истинным божеством Луны считается Тай-инь Син-цзюнь, а не дева Чаньэ. Но божество племени Су — иное. Оно двуликое. Одна сторона — милосердная, божественная, а другая — призрачная, демоническая. Считается, что Луна переменчива: в полнолуние она — бог, на исходе — демон. Когда диск полон, они молятся небесам, когда ущербен — задабривают призрака.

Жун Жо достал книгу, которую листал до этого.

— Смотри, брат Чу, вот как выглядит их обряд.

На рисунке одна сторона Лунного божества была прекрасным, полным сострадания ликом, а другая — искаженной гримасой чудовища. У этого «демона» во лбу горели три зловещих ока, огромных, как колокола.

— Судя по описанию, — добавил Жун Жо, — когда «посланников» приносят в жертву, три глаза демона закрываются. Сила божества растет, Луна из тонкого серпа превращается в полный диск, и племени Су даруется благоденствие и хороший урожай.

Цзян Ехун с грохотом захлопнул книгу.

— Что это за бог такой, который питается человечиною ради силы? Уверен, это просто демон, прикинувшийся божеством.

— У меня такое же чувство. Абсурдно и жутко. По их обычаю, посланников выбирают за пять

дней до обряда. На крышах домов вывешивают стяги призыва душ — знак для божества, чтобы оно присмотрелось к кандидатам. На пятый день по тени солнечных часов определяют юношу — на рассвете, и девушку — на закате. Те флаги, что мы видели в деревне, — метки для обреченных.

Цзян Ехун едва не задохнулся от ярости:

— Какая мерзость! Неужели в этой проклятой деревне до сих пор режут людей?

Жун Жо опустил глаза, тень легла на его лицо.

— Боюсь, что так. И еще одно... Я спросил Чжао Чэня: погибший Лю Юань тоже был из деревни Девяти Семей.

— Что?! Он тоже оттуда? Неужели все трое были из этого племени? Бред какой-то. Клянусь, я соберу людей и разнесу их бронзовый треножник в щепки. Но погоди... Если у них свои обряды, то при чем тут Ли Фугуй, Лу Чан и этот Лю Юань? Не могли же они погибнуть из-за какого-то деревенского суеверия?

Жун Жо на мгновение задумался.

— Брат Чу, ты можешь показать мне ту картину?

— Картину?... Да, конечно. Пойдем, раз хочешь взглянуть.

Цзян Ехун выпил остатки лекарства и повел Жун Жо в Шесть врат. После смерти Лю Юаня его родня, напуганная странными событиями, наотрез отказалась держать полотно дома и той же ночью сдала его в ямэнь. Ехун развернул свиток и повесил на стену.

— Вот она, «Картина летящего небожителя». Знаешь, когда я впервые увидел её, мне показалось, что фигура на ней улыбается. До сих пор мурашки по коже.

Жун Жо некоторое время молча всматривался в мазки кисти.

— У меня возникло то же чувство.

Цзян Ехун вздрогнул:

— Так в ней и впрямь живет призрак?

Жун Жо негромко рассмеялся и покачал головой:

— Нет, призраков здесь нет. Иллюзия улыбки — лишь следствие мастерской композиции. Должен признать, рука мастера Го Цзыкуана поистине велика. Но посмотри вот сюда, в юго-западный угол... Что это? Пятно от воды?

Цзян Ехун пригляделся. В указанном месте виднелся след размером с ноготь, который легко можно было принять за водяной развод.

— Наверное.

Однако Жун Жо настойчиво снял картину со стены.

— На воду не похоже. Скорее след от чего-то липкого, что было здесь раньше.

Он наклонился и едва заметно потянул носом.

— Благовония «Опора Снов».

Цзян Ехун тоже попытался что-то унюхать, но тщетно. Совсем забыл — из-за простуды нос заложило напрочь.

— Ты говорил об этом запахе в деревне. Но откуда ему взяться на картине?

Жун Жо задумчиво коснулся пятна.

— Брат Чу, у меня есть одна догадка...

— Говори уже, не тяни. Терпеть не могу, когда ходят вокруг да около.

— Яд «Грёзы наяву» крайне капризен. Чтобы он оставался в спячке, ловцы-отравители используют особый состав, погружающий личинок в сон. Глядя на этот след, я думаю: не прикрепил ли кто-то ядовитую приманку прямо к полотну?

Цзян Ехун нахмурился:

— Но ты говорил, что этот яд пробуждается от вина. Ли Фугуй умер прямо у тебя на глазах. Если бы яд был на картине, разве ты и остальные в Ижэнь-гэ не подверглись бы опасности?

Жун Жо покачал головой:

— Не совсем. Помнишь, Ли Фугуй пришел в Ижэнь-гэ уже пьяным? Он был возбужден,

постоянно притоптывал... Я думаю, он отравился еще до того, как вошел к нам.

— Точно! Как я мог забыть! Осталось проверить, пил ли Лю Юань перед смертью, и всё сойдется.

— Нужно уточнить. И еще, брат Чу... та заброшенная усадьба на западном склоне горы в деревне Девяти Семей. Расспроси о ней. Мне кажется, она — ключ ко всему.

— Хорошо-хорошо, я всё разузнаю.

Через полчаса в комнату ввалился запыхавшийся Чжао Чэнь.

— Глава Чу... Дайте хоть дух перевести! Я же не из стали сделан, чтобы так бегать... Я всё выяснил. Лю Юань перед гибелью действительно был пьян. И Ли Фугуй тоже. А насчет Лу Чана — я поговорил с приказчиком, который ходил с ним в тот день в таверну. Лу Чан как раз забрал «Картину летящего небожителя» и взял её с собой на судно. Ли Фугуй тогда открывал ларец, чтобы полюбоваться полотном. Именно тогда они и договорились о перепродаже.

Цзян Ехун восторженно взглянул на Жун Жо и хлопнул Чжао Чэня по плечу.

— Видишь? Как в воду глядел! А-Жо во всём оказался прав!

Жун Жо смущенно опустил взгляд.

— Это лишь предположение, брат Чу... Старший брат Чжао, ты сегодня и впрямь намаялся. Отдохни, а завтра, если не трудно, узнай у родственников убитых — знали ли они о древних обрядах деревни Девяти Семей?

Чжао Чэнь, поддавшись мягкому голосу Жун Жо, даже не подумал ворчать.

— Узнаю, конечно. Но зачем это?

— Просто спроси. Кстати, ты сам хорошо знаешь ту деревню?

Чжао Чэнь поскреб затылок.

— Как сказать... Бывал там раза три, не больше. Местечко на редкость жуткое, но преступлений там почти не случается. Впервые я попал туда десять лет назад, еще учеником за наставником следовал. Помню, в усадьбе на западном склоне случился пожар. Семья выгорела за одну ночь... Страшное было зрелище.

Жун Жо и Цзян Ехун переглянулись и хором переспросили:

— Усадьба на западном склоне?!

<http://bllate.org/book/17428/1657116>